

HARLEQUIN®

052

Бронвин Скотт

ЛЕДИ РИСКУЕТ
ВСЕМ

И С Т О Р И Ч Е С К И Й Р О М А Н

Исторический роман – Harlequin

Бронвин Скотт

Леди рискует всем

«Центрполиграф»

2013

Скотт Б.

Леди рискует всем / Б. Скотт — «Центрполиграф»,
2013 — (Исторический роман – Harlequin)

Жизнь знаменитого игрока Аллена Локхарта и его дочери, красавицы Мерседес, всецело посвящена бильярду, сделавшим Аллена богатым преуспевающим дельцом и хозяином собственного бильярдного клуба в Брайтоне. Дочь мечтает играть профессионально наравне с мужчинами, но нравы общества не позволяют ей этого. Поэтому для привлечения внимания к предстоящему турниру ее отец выбирает красивого и обаятельного, способного увлечь зрителей обедневшего дворянина Гриира Бэррингтона. С первой же встречи между молодыми людьми вспыхивает взаимное влечение. Однако тайные намерения Мерседес, хитрости ее отца, использующего любую возможность обогатиться, и различие в социальном положении превращают их отношения в запутанный клубок страсти, соперничества, недомолвок и взаимного недоверия...

© Скотт Б., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Скотт Бронвин

Леди рискует всем

A Lady Risks All

Copyright © 2013 by Nikki Poppen

«Леди рискует всем»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке,

ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление,

ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Глава 1

Брайтон, март 1837 г.

Что может быть более возбуждающим, чем мужчина, умеющий держать в руках кий? Локхарт вторично припала к небольшому глазку. По телу пробежала легкая дрожь волнения. Слухи оказались правдой, у него действительно потрясающий удар.

Снаружи в бильярдном зале этот удар походил на пушечный выстрел. Здесь же, в изолированной от внешних звуков комнате, оставалось лишь наблюдать, гадая, что означает присутствие этого человека в отцовском клубе.

«Я хочу кое с кем тебя познакомить». Эта фраза сотни раз проносилась в ее голове. Когда отец говорит такое дочери, обычно это означает одно – жених. Но это другие отцы, а не великий бильярдист Аллен Локхарт. Он скорее принес бы домой кий, украшенный драгоценными камнями, чем привел жениха. Возможно, именно поэтому Мерседес так удивило его предложение.

– Спустись в клуб. Я хочу, чтобы ты кое на кого посмотрела.

Отец уже давно не обращался к Мерседес с подобной просьбой, и она не посмела отказать. И вот она спряталась в потайной комнате и, прилипнув к смотровому глазку, неотрывно следит за игроком у стола номер три. На этого мужчину она обратила бы внимание даже без указки отца. Да большинство женщин сделали бы то же самое. Он прекрасно сложен, широкие плечи, стройные ноги. Заметить это было проще, потому что он играл, сняв куртку. Когда он наклонился, прицеливаясь, чтобы произвести очередной удар, ее взору предстала фигура с тонкой талией, упругим изгибом ягодиц, переходящих в мускулистые бедра, которые слегка напрягались под узкими светло-коричневыми бриджами.

Взгляд Мерседес поднялся к сильным загорелым рукам, выглядывавшим из-под отогнутых манжет белой рубашки. К сужающимся кончикам тонких пальцев, сложенных мостом, по которому точно и без усилий скользнул кий, когда он сделал удар.

Мужчина выпрямился и повернулся в ее сторону, принимая поздравления по случаю блестящего удара. Отбросил назад светлые волосы, упавшие на лицо. Мерседес даже с такого расстояния заметила задорный взгляд его удивительных глаз, мерцавших сапфировой глубиной. Он казался уверенным в себе, хотя принимал поздравления других игроков с искренней благодарностью. Кий держал непринужденно и, безусловно, мастерски им владел. Стратегия его игры отличалась благоразумием, вела прямо к цели, прогрессивный способ «разбивать» был вполне в духе нового стиля игры, который только начинал распространяться.

Однако Мерседес тут же заметила, что его игре не хватает тонкости. Слишком уж прогнозируемая. Будучи игроком высокого класса, он, по-видимому, не чувствовал потребности в изощренных трюках. Она подумала, что это поправимо, но на этом ее мысль запнулась. Зачем? Зачем корректировать? Это ли имел в виду отец, когда спрашивал ее мнение? Что вообще заинтересовало легендарного Локхарта в этом молодом красавчике бильярдисте? Тревога, поселевшая в ней, снова дала о себе знать внезапным трепетом. Может, отец решил сделать его своим протеже? Или он впрямь предлагается ей в женихи?

Мерседес не устраивал ни один из вариантов. Она не стремилась замуж, хотя знала об амбициозных намерениях отца выдать ее за человека с титулом. Это окончательно увенчало бы его завоеванную собственными усилиями победу. Дочь Аллена Локхарта замужем за пэром! Но она ставила перед собой иные цели, и жених в их числе не значился.

Мерседес отошла от глазка и написала короткую записку отцу, сидевшему у всех на виду в парадной гостиной. С немалым раздражением она подумала о том, что ему-то нет нужды прятаться по потайным комнатам и подглядывать в глазок. Ей тоже не всегда приходилось играть «закулисную» роль. Прежде Мерседес имела свободный доступ в зал, но теперь выросла, и, как показали прежние события, ее появление в залах «Бильярдного клуба Локхарта» не

считалось ни благоразумным, ни приличным, независимо от воспитанности и умений игрока. Все упиралось в то, что мужчинам не нравилось проигрывать женщине. Так закончилась ее карьера в этой области, по крайней мере на сегодняшний день.

Именно поэтому мысль о том, что у отца появился протеже, вызывала раздражение. Если уж ему суждено появиться, то этим протеже должна стать она. Мерседес оттачивала мастерство рядом с отцом. Когда она проявила интерес к бильярду, он обучил ее профессиональной игре. Мерседес переняла его приемы, придумала свои и встала в один ряд с лучшими игроками. Однако потом, перешагнув рубеж семнадцатилетия, совершила непростительный промах, и ее вольности пришел конец отчасти по вине общества, отчасти из-за собственного упрямого характера.

Словно проклятие, над ней тяготела мысль о том, что ее талант, а в нем никто не сомневался, невозможно проявить. Мерседес стала практиковаться одна в приватной части дома в постоянной готовности показать себя при любой возможности.

Сложив записку, она отправила ее отцу. В последний раз прикинула к глазку и увидела, как мужчина отправил в лузу свой последний шар. В голове мелькнула мысль: «Что, если он и есть мой шанс?» Ее охватило прежнее возбуждение. Пять лет она ждала подходящего случая, но ей и в голову не пришло бы, что случай представится в лице столь породистого красавца. И уж если отец сумел воспользоваться им, то, вполне вероятно, удастся и ей.

«Не спеши», – осадила она себя. Хороший игрок всегда должен понимать степень риска, а он был. Ведь, если отец собирается сделать этого мужчину своим протеже, а ее лишь помощницей в этом деле, ее окончательно спишут со счетов, потому надо действовать осторожно. В то же время представится шанс продемонстрировать отцу, на что она способна, в ситуации, когда он не сможет отрицать ее талант. Авантюра могла закончиться для нее как взлетом, так и падением. Но Мерседес не была бы дочерью своего отца и игроком до мозга и костей, если бы, зная все правила и риски, не решилась во что бы то ни стало вступить в игру.

Все игроки, которым удалось добиться успеха, признавали: секрет удачи состоит из трех пунктов: знания правил, умения делать ставки и понимания, когда прекратить игру. Но никто не был осведомлен лучше легенды английского бильярда Аллена Локхарта. Он не помнил времен, когда бы ставки не были высоки. Они всегда оставались таковыми, если рискуешь своей репутацией. Что же касается момента, когда пора прекратить игру, если он и существовал, Локхарт еще его не обнаружил. Именно поэтому в тот мартовский вечер привычный стакан виски с давним другом и партнером Кенделом Карлайлом не принес ему успокоения. Обычно он любил это время дня больше всего. Время, когда, усевшись в клубе в одно из глубоких кресел, он наслаждался своими владениями. Его владения! Заведением управлял Карлайл, но это на его деньги, выигранные на бильярде, построили клуб. Сидевший напротив Аллена Карлайл, на время отрешившийся от своих неусыпных наблюдений, глотнул виски и удовлетворенно вздохнул:

– Вот это жизнь, Аллен. Неплохо для двух маленьких чистильщиков обуви.

Аллен улыбнулся в ответ. Он любил вспоминать об этом. Много лет назад они вдвоем за пару шиллингов гнули спину перед богатыми джентльменами, игравшими в бильярд в Бате. Наблюдали, учились и, в конце концов, создали собственную империю. Теперь они стали богатыми джентльменами. Теперь *они* продавали абонементы в свой клуб. И не в Бате, а в более фешенебельном Брайтоне. И зарабатывали на клиентах далеко не шиллинги. В свои сорок семь Аллен испытывал огромную гордость за то, что значительно усовершенствовал правила игры в бильярд по сравнению с временами бедной юности.

Со своего места у камина Аллен слышал тихое шуршание шаров из слоновой кости по сукну – характерные звуки ленивой ранней игры, проходящей в соседнем зале. Позже вечером клуб наполнится офицерами и джентльменами, и над столами поднимется громкий шум

серьезной игры. На деньги. Аллен почувствовал, как его рука дернулась в предвкушении. Теперь он не часто играл на публике, не желая подвергать свою репутацию опасности проигрыша. Легенда не может позволить себе такого из опасения, что образ недостижимого может рухнуть. Но страсть никуда не делась. Бильярд вошел в его плоть и кровь. В конце концов, он легендарный Аллен Локхарт. Создал этот клуб благодаря собственной славе. Конечно, люди приходили сюда играть. Но еще и посмотреть на него. Недостаточно просто хорошо играть в бильярд. Приходилось быть еще и артистом.

Аллен знал силу верного слова, вовремя сказанного то там, то тут, знал пьянящее чувство, возникающее от мысли, что одну брошенную тобой фразу в Лондоне обсуждают несколько месяцев. «Локхарт говорит, нужно ударять по шару сбоку» или «Локхарт рекомендует шары из бивней африканских слонов». Правда, в последнее время обычное воодушевление поубавилось, превратившись лишь в обязательный элемент представления. Аллена охватила тревога.

Громкий удар шара, с силой пущенного в пирамиду, нарушил атмосферу покоя, царившую в комнате. Аллен мгновенно оценил его, бросив беглый взгляд в сторону третьего стола, за которым играл молодой офицер. Потом повернулся к Кенделу:

– Надеюсь, ты придешь завтра сыграть партию.

– Да уж, не пропущу. Кроме того, с нетерпением жду, когда смогу посмотреть на новый стол. – Карлайл поднял стакан. – Я слышал, Тарстон нынче превзошел сам себя.

Лицо Локхарта расплылось в широкой гордой улыбке, как у человека, впервые ставшего отцом.

– Сланцевые столы с резиновыми бортами – это будущее. По ним шар катится быстрее, Кендел. – Его перебил очередной громкий удар, донесшийся со стороны стола номер три. На этот раз Локхарт удостоил его более продолжительным взглядом. – Бог мой, этот парень набрал силу. – Он украдкой взглянул в сторону потайной комнаты, думая, как о нем отзовется Мерседес. Кендел не врал, говоря, что парень умеет играть.

Кресла, в которых они сидели, были повернуты так, чтобы при желании видеть весь клуб. Двое мужчин затихли, сосредоточившись на игре и глядя на гладкую поверхность бильярдного стола. Большие окна давали много света, что позволяло делать точные удары. Нежно-зеленые обои и подходящие по цвету гардины, от потолка до пола, создавали в комнате атмосферу изысканной гостиной. Это был не простой игровой зал, а место, куда приглашались джентльмены, принадлежавшие к высшему обществу, чтобы обратить внимание на благородный спорт бильярд. В данный момент всеобщее внимание привлекал к себе стол номер три.

Парень, о котором шла речь, был далеко не мальчик, широкоплечий, ладно скроенный светловолосый красавец офицер. И как успел заметить Локхарт, весьма уверенный в себе. Излучая непроизвольное очарование и любезность, он загнал в лузу третий шар и побежал вокруг стола. В его любезности не было ни следа напускной скромности.

– Он напоминает мне тебя в наши молодые годы, – пробормотал Карлайл после того, как офицер сделал особенно сложный удар в угол.

– Как ты думаешь, сколько ему? – Кендел должен знать, у него дар добывать информацию, у Аллена – использовать ее. Взятые вместе, эти таланты за многие годы сослужили им добрую службу.

– Лет двадцать пять. Он уже приходил сюда несколько раз. Его имя Бэррингтон. Капитан Бэррингтон, – сообщил Кендел.

Локхарт с тоской вспомнил, как в его годы они с Кенделом бродяжничали, играли на деньги везде, где могли найти игровой зал. От Манчестера до Лондона, не гнушались любых трюков, на пару ошипывая под вернувшихся на пути щеголей, и не только.

– Он купил абонемент, – добавил Кендел.

– На половину жалованья? – В эти дни все офицеры в городе, у которых находилось время для бильярда, жили на половину жалованья. Однако при отсутствии иных доходов абонемент в таком элегантном заведении был непозволительной роскошью.

Кендел пожал плечами:

– Я сделал ему хорошую скидку. Он полезен для дела. Людям нравится, как он играет.

– Это ненадолго, – пожал плечами Локхарт. – Бэррингтоном нужно руководить. Если он окажется слишком силен, другим надоест постоянно проигрывать, и для бизнеса он станет вреден. Нельзя, чтобы это произошло слишком быстро.

– Я думаю, большой турнир, который состоится в июле, привлечет дополнительное внимание, – на чал Карлайл. Но Локхарт думал на шаг вперед. Возможно, капитана удастся научить ориентироваться, когда стоит проигрывать, да и еще много чему. Карлайл прав. Молодой человек мог оказаться весьма полезен в преддверии Всеанглийского турнира по бильярду. Былой азарт охватил его вновь.

– Думаешь обзавестись протеже? – шутливо спросил Кендел.

– Не исключено.

Локхарт думал о чем-то большем, чем протеже.

Ему хотелось отправиться в путешествие. Зачем? Он пока сам не знал. Может быть, эта потребность продиктована желанием еще раз вернуться назад по дороге памяти и дать волю ностальгии о минувших днях. А может быть, не только это? Интуиция подсказывала, что беспокойство вызвано не только всплеском ностальгии. Существовали и более важные вопросы, требовавшие ответа. Неужели в сорок семь лет он еще мучил его? Сможет ли легенда вернуться, или он безнадежно отстал от «новой» игры?

– У тебя еще что-то на уме?

Он почувствовал на себе косой взгляд Кендела и сосредоточился на игре. Если он решится на это, надо пока даже лучшему другу не выдавать своих намерений. Подошедший лакей передал ему сложенную записку. А-а, Мерседес вынесла свой вердикт!

Локхарт встал, бросил беглый взгляд на короткую записку и извинился, стараясь, чтобы лицо не выдавало его чувств. Кендел слишком хорошо знал его.

– Пойду делами займусь кое-какими. – Помолчав, он вдруг добавил, будто его только что осенило:

– Пригласи этого молодого человека к нам в дом завтра вечером. Ему наверняка будет интересно посмотреть на новый стол. Кроме того, я хочу познакомить его с Мерседес.

Если он собирается осуществить свою безумную авантюру, ему понадобится помощь дочери. Самое трудное – уговорить ее ввязаться во все это. Мерседес бывала чертовски упряма, когда вбивала что-то себе в голову. Ему сильно повезет, если удастся убедить ее. Оставалось надеяться только на привлекательность молодого человека, его удивительный талант бильярдиста и некоторую долю лунной магии. Локхарт знал свою дочь. Если и существовало что-то, перед чем Мерседес не могла устоять, так это вызов.

Глава 2

За десять лет военной службы капитан одиннадцатого девонширского полка Гриир Бэррингтон повидал достаточно, чтобы понимать, где идет живая игра. Этим вечером скучать ему определенно не придется, как, впрочем, и все время с тех пор, как Кендел Карлайл пригласил его к Локхарту. Для такого известного человека, как Локхарт, казалось не слишком логичным пригласить к себе на обед никому не известного офицера. Гриир быстрым взглядом окинул немногочисленное собрание, пока Аллен Локхарт, поздоровавшись, подвел его к группе мужчин, собравшихся у камина, высокого элегантного сооружения, отделанного резным орехом. Подозрения подтверждались. Во-первых, малочисленные гости, близкие друзья и деловые знакомые, подчеркивали особый характер собрания. Во-вторых, изысканный дом Аллена Локхарта располагался на Брансвик-Террас, представлявшей собой сорок два самых больших дома в городе. Гриир не ошибся, приложив все возможные усилия к тому, чтобы выглядеть безупречно. И теперь при свете дорогих бронзовых канделябров пуговицы его мундира блестели с подобающей яркостью.

– Вы, конечно, уже знакомы с Кенделом Карлайлом из клуба. – Аллен Локхарт делал необходимые представления с легкостью опытного хозяина. – Это Джон Тарстон, человек, изготовивший новый стол.

Гриир кивнул в его сторону. Он знал Тарстона, тот занимался оборудованием бильярдных залов в Лондоне.

– Джон, – произнес Локхарт тоном, подчеркивающим их близкое знакомство, – это капитан Гриир Бэррингтон. – Локхарт по-отечески положил ему руку на плечо. Гриир обратил внимание на то, как его представляют. Локхарт либо очень хорошо разбирался в военных мундирах, либо заранее навел о нем справки. – У капитана потрясающий первый удар. Всякий раз кажется, будто в клубе стреляют из пушки. Вчера он играл за столом Элиаса Поула.

«А-а, – смекнул Гриир. – Значит, Локхарт *таки* следил за игрой». Грииру показалось, он уловил заинтересованность в лице мужчины. Дальнейшие представления сопровождались одобрительным шепотом.

В то время как беседа плавно перетекла на тему бильярда, рядом с Локхартом появилась молодая женщина. Разговор тут же затих, хотя она ничего для этого не сделала, не произнесла ни слова.

– Папа, скоро подадут обед.

Неужели это потрясающее создание дочь Локхарта? Гриир подумал о том, какую бы игру ни затеял ее отец, он с радостью откликнется, если в ней примет участие эта девушка, бесспорная красавица. Ее красота столь же смелая и открытая, как и улыбка, вспыхнувшая на ее лице при взгляде в его сторону.

– Капитан, познакомьтесь с моей дочерью Мерседес, – любезно произнес Локхарт. – Могу я просить вас проводить ее к столу? Я уверен, она отвела для вас место со своей стороны.

– Буду польщен, мисс Локхарт.

Еще одно приятное дополнение вечера. Приглашение принимало самый приятный характер. Красота Мерседес Локхарт поражала. У нее были темные волосы и большие серые глаза, обрамленные длинными ресницами. Правда, от подобного совершенства веяло холодом. «Прекрасна и холодна», – отметил для себя Гриир, уверенный в том, что сможет растопить этот лед, и улыбнулся одной из своих чарующих улыбок, которую обычно использовал, чтобы создать у женщины впечатление, будто она знает его гораздо дольше, чем на самом деле. Однако Мерседес не выглядела очарованной. Ее улыбка не выходила за рамки заученной вежливости, острые серые глаза вели какое-то свое скрупулезное расследование. Гриир немного отошел от гостей, увлекая ее за собой, чтобы иметь возможность завести отдельный от общего разговор.

– Я прошел? – спросил он, полный решимости заставить эту высокомерную красавицу объяснить свое поведение.

– Прошли что?

– Проверку. У нас в армии это так называется.

Она слегка покраснела в ответ на его прямоту.

Гриир почувствовал, что одержал маленькую победу. С румянцем на лице она потеплела и стала еще красивее, если такое вообще возможно. Прежняя недостижимая ледяная надменность подтаяла, черты приобрели большую женственность.

– Я должна признать, человек, разгромивший Элиаса Поула, вызывает у меня нечто большее, чем простое любопытство. Вчера за ужином отец только об этом и говорил.

В ее голосе проскользнула горечь, вернувшая ее к прежнему холодному изяществу. Но чем это вызвано? Ревностью? Он обыграл ее чемпиона? Элиас Поул был мужчиной средних лет, не лишенный привлекательности для своего возраста, определенно не относящийся к тому типу, который мог заинтересовать молоденькую женщину. Гриир непринужденно пожал плечами:

– Я польщен тем, что возбудил ваше любопытство. Однако это всего лишь игра.

Ее брови взлетели вверх, в голосе зазвучали недоверие и вызов.

– Всего лишь игра? Только не для этих людей. Было бы весьма опасно думать иначе, капитан.

«А-а. Наконец-то меня осенило», – с удовлетворением подумал Гриир. Ясно, почему он здесь. Все дело в бильярде.

Объявили, что обед подан, и он повел к столу прелестную Мерседес. Ее рука с церемониальной вежливостью лежала на рукаве его мундира.

Столовая выглядела впечатляюще. Длинный блестящий стол, сервированный фарфоровой и стеклянной посудой, дополняли предметы, присущие дорогостоящим привычкам богатых людей. Серебро заполняло подходящие по стилю серванты, а графины с наборами рюмок, несомненно, выдували в Венеции. Гриир отметил эти неопровержимые знаки достатка, понимая, что они означают. Аллен Локхарт страстно хотел стать джентльменом, хотя таковым, естественно, не являлся. Не мог им быть. Да, он блестяще играл в бильярд, знаменитый игрок. Но дальше этого слава его вознести не могла.

В этом-то и состояла разница между сверкающим благополучием Локхарта и потрепанной временем элегантностью фамильного поместья Гриира. С позиций завышенных стандартов высшего света его отец считался небогатым, зато всегда был джентльменом, равно как и его сыновья. Никакие деньги не могли этого изменить. Тем не менее Гриир знал, что его мать и сестры позеленели бы от зависти, увидев его сидящим за столом в такой изысканной обстановке. Он отметил для себя, что нужно написать им письмо с описанием этого застолья, умолчав, однако, об обстоятельствах, при которых он здесь оказался. Отец пришел бы в бешенство от того, что его сын сидел за одним столом с игроком, даже если этот сын не наследует титул.

Гриир постарался отбросить мысли о доме и семье. Они лишь портили ему настроение. Сегодня ему хотелось радоваться жизни, не испытывая чувства вины. У него на тарелке лежала вкусная еда, в бокале искрилось отменное вино, беседа была занимательной. Рядом сидела красивая женщина, за которой следовало поухаживать. Гриир намеревался воспользоваться этим. Армейская жизнь приучила его к тому, что подобные удовольствия редки и непродолжительны и, если встречаются на твоём пути, нужно наслаждаться ими в полной мере. За прошедшие десять лет на его долю выпало много испытаний, и теперь, когда он снова вернулся в Англию, Гриир собирался взять от жизни как можно больше.

– Где вы служили, капитан? – спросил сидевший справа от него мужчина, когда подали рыбу.

– На Корфу. Хотя нас постоянно перебрасывали то туда, то сюда по всему полуострову.

Упоминание о Корфу привлекло внимание Джона Тарстона.

– Тогда вам наверняка случалось играть за столом, который мы изготовили для тамошнего армейского клуба.

Гриир засмеялся, пораженный таким совпадением:

– Безусловно, я играл на нем. Стол находился в распоряжении сорок второго полка королевских гусар. Я не служил в этой части, но имел удовольствие несколько раз бывать у них. Благодаря новым резиновым бортам игра на нем была самой стремительной во всей Греции.

Джон Тарстон с добродушным видом поднял свой бокал.

– В каком удивительном новом мире мы живем! Подумать только, я ужинаю с человеком, который играл за моим столом в тысяче миль отсюда. Просто замечательно, что современный уровень развития позволяет нам это. За то, что весь мир стал ближе, джентльмены!

– С превеликим удовольствием, – поддержал тост Гриир. Отпил из бокала и приступил к рыбе.

Ему нравилось, что разговор потек без его участия. Слушая и наблюдая, можно узнать много интересного. Мерседес Локхарт, видимо, придерживалась того же мнения. Она продолжала изучать его. Гриир снова и снова чувствовал на себе ее взгляд. Он посмотрел в ее сторону, надеясь еще раз вогнать ее в краску. На этот раз ему не удалось застать ее врасплох. Мерседес встретила его взгляд равнодушно, демонстрируя именно то, что хотела, в случае, если ее будут разглядывать.

– Знаете, а ведь они думают, не пригласить ли вас с собой, – шепнула она вдруг без всякого предисловия. – После обеда начнутся игры.

Чего они от него хотят? Сыграть с человеком, побившим Элиаса Поула? Гриир равнодушно пожал плечами:

– Элиас Поул не бог весть какой игрок.

– Нет, но игрок он крепкий. Никогда не фальшивит, не допускает ошибок, – возразила Мерседес.

Он поднял бровь, будто говоря «Неужели?». Ее замечание отличалось глубиной и совсем не походило на те, которые делали знакомые ему женщины. Сообразно его опыту хорошо воспитанные английские девушки не вдавались в тонкости бильярда. Однако Мерседес права. Он знал тип игроков, о котором она говорила. Их игра отличалась ледяной точностью. Они никогда не делали сильных ударов, стараясь просто измотать соперника и заставить его сделать ошибку, ведущую к поражению. Вчера именно такая стратегия не смогла обеспечить Поулу по беду.

– Теперь они знают ваш уровень, и Поул станет той мерой, которой вас будут мерить, – тихо продолжила она.

– А вы уже определили мой уровень? – Гриир улыбнулся ей заговорщической улыбкой, давая знать, что понимает ее игру. – Такое задание вы получили от отца на сегодняшний вечер?

– Не обольщайтесь. – Мерседес бросила на него колкий взгляд поверх кромки бокала. – Великому Аллену Локхарту не нужны агенты, чтобы вынести суждение об офицерах с пустыми карманами, сидящих на половинном жалованье.

Обижаться не имело смысла, определение совершенно справедливо. Ощипать офицера – невелика честь, с него просто нечего взять, ведь даже клубный абонемент приобретен благодаря его умению и скидке, любезно предложенной Кенделом Карлайлом. Локхарт наверняка знал это. Даже если бы кому-нибудь из сидящих за этим столом удалось обыграть его, он мог рассчитывать лишь на мелкие карманные деньги. Гриир решил позволить себе небольшую дерзость.

– Возможно, у вас есть свой интерес?

– Вы снова льстите себе. – Мерседес отпила вина. Свой интерес? Очень возможно. Он заинтересовал ее гораздо больше, чем она предполагала. Гриир уловил все признаки, колкие

замечания, чтобы быстро оттолкнуть его, и пульсирующая жилка на обнаженной шее начинала трепетать быстрее, когда его взгляд задерживался на ней, как сейчас.

Гриру стало любопытно, насколько долго готовилось это представление. В гостиной она, скорее всего, выглядела бы милой молодой женщиной, зато в столовой могла бы позировать для портрета. Ее голубое платье было на тон темнее светло-голубых стен. Лента цвета слоновой кости, украшавшая корсаж, подходила к молочному цвету стеновых панелей и молдингов и служила идеальным обрамлением для темных волос, искусные локоны которых вились вдоль шеи. Рука Гриира невольно дернулась, когда ему из чисто мужского любопытства представилось, как нежно он распрямляет один из них, позволяя пряди свободно струиться по спине. Он догадывался, какую цель преследовали эти скромные локоны – привлекать внимание к нежной округлости подбородка девушки, к чувственной линии ключиц, намекая на обнаженные плечи, скрытые под платьем. Следом за этим взгляд плавно скользил ниже, оценивая хорошо выраженную высокую упругую грудь, скрытую декольте. Мерседес Локхарт выглядела соблазнительной во всех отношениях. Она была бы хороша и без всяких усилий. Но Гриир не мог отделаться от ощущения, что все, вплоть до цвета платья, тщательно спланировано во имя высшей цели, которую он пока не разгадал. Он достаточно хорошо понимал, ради чего весь этот вечер, званый обед. Он имел прямое отношение к бизнесу. За демонстративным дружелюбием и непринужденной беседой стояли деньги. Локхарт, Карлайл и Тарстон выступали единым фронтом. Тарстон хотел продавать новые бильярдные столы и наверняка пообещал Локхарту и Карлайлу комиссионные за их рекламу. Два других джентльмена за столом владели бильярдными залами в Брайтоне и нескольких других городах по соседству. Покупка стола, в свою очередь, пошла бы на пользу их бизнесу. Они понимали, Локхарт оказывал им любезность, позволяя стать одними из первых заказчиков. Все одно к одному. И только он выпадал из общего круга. Никто, даже по ошибке, не мог бы предположить, что после сегодняшнего застолья он купит стол.

* * *

Мерседес заняла скромное местечко в большой бильярдной на втором этаже и воткнула иглу в сложный рисунок, который намеревалась вышивать. Она знала, что выглядит по-домашнему, и стремилась именно к этому. Бильярд – занятие для мужчин. Мужчинам, собравшимся вокруг нового стола Тарстона, и в голову не могло прийти, чтобы она присоединилась к их игре. До тех пор пока она занималась вышиванием и выглядела в высшей степени женственно, ее присутствие считалось приемлемым. Они видели в Мерседес избалованную единственную дочь Аллена Локхарта. Дочь, которую он так любил, что не мог допустить, чтобы она слонялась по дому в одиночестве, когда он развлекает деловых партнеров. И что плохого в том, если в подобных обстоятельствах она побудет с ними, тихонько сидя в уголке?

Мерседес проткнула иглой льняную ткань и исподтишка окинула взглядом мужчин. Они перестали говорить о делах, уже обсудив резиновые борта, грелки и прочие новейшие технологические премудрости, предназначенные для того, чтобы ускорить движение шаров по столу. Настало время действовать, увидеть новый стол в деле, играть. Иначе говоря, делать то, чего мужчины дожидались весь вечер.

Отец достал с полки, висевшей на стене, кии из ясеня и раздал их гостям. Двое владельцев бильярдных залов в Брайтоне удостоились чести играть первыми. Однако Мерседес не сводила глаз с молодого капитана Гриира Бэррингтона. Вблизи он не разочаровал ее – именно такой, каким она видела его в глазок, высокий, светловолосый, широкоплечий, обладающий безграничным непринужденным очарованием. Притягательные голубые глаза, едва заметное заигрывание с ней составляли лишь часть этого. Несмотря на то, что его окружала неоспоримая аура джентльмена, Бэррингтон был совсем не похож на лощеных лондонских хлыщей с их

лицемерием, скрывавшим истинные намерения. Мерседес видела, как он засмеялся и что-то сказал Тарстону. Она инстинктивно чувствовала его чистосердечие и искреннее расположение к собеседнику, хотя эта наивность могла обмануть многих, вздумай он использовать ее во вред. Было бы неплохо приручить его, капитан не производил впечатления легковверного простачка. Он провел достаточно времени на военной службе, видел, как умирают люди, возможно, даже убивал сам, соответственно, понимал, что значит отнять у человека жизнь, знал, каково жить в суровых условиях, даже если привык к комфорту и роскоши. Богатство отцовского дома не сразило его, в чем отец ошибался, видя лишь молодого человека без определенных целей в жизни, офицера на половинном жалованье, сидящего без дела и не имеющего никаких перспектив, кроме военной службы. Мерседес не могла с ним согласиться. Могла поспорить, что Гриир Бэррингтон – сын джентльмена. Его телосложение не отличалось грузностью, как у сыновей фермеров, речь звучала совсем иначе, чем говор малообразованных мужчин. Отцу придется нелегко. Сыновья джентльменов не якшаются с бильярдными игроками в основном потому, что у них иные перспективы, скажем, поместье, куда можно вернуться, или место священника в церкви. Ее отец, каковы бы ни были его намерения, не учитывал этого.

Капитан Бэррингтон шагнул к столу. Первая игра закончилась, и отец предложил ему сыграть с одним из мужчин из соседнего городка. Пока игроки натирали мелом концы киев, Карлайл громко произнес:

– Вы хороший игрок, Хоу. Но ставлю пятьдесят фунтов, что наш капитан выиграет у вас три партии из пяти.

Мерседес замерла, немного выпрямившись в своем кресле. Пятьдесят фунтов – небольшая ставка по меркам этих людей. Мелочь, пари между своими, достаточное лишь для того, чтобы подсластить кашу. Но в ситуации Бэррингтона пятидесяти фунтов могло хватить на полгода. По комнате пробежал заинтересованный шепот. Для гостей, собравшихся у отца, лучше, чем играть в бильярд, было только делать на бильярде деньги. Хоу уверенно засмеялся и, вытащив бумажник, бросил на стол купюры.

– Я принимаю вызов.

– Капитан, не хотите сделать ставку на себя? – спросил Локхарт, собрав деньги.

Бэррингтон, ничуть не смутившись, покачал головой:

– Я не играю на то, что не могу себе позволить потерять. Мои ставки гораздо ниже.

Локхарт засмеялся и похлопал его по спине:

– Я могу это исправить, капитан. Не проиграйте.

Капитан Бэррингтон проиграл первые две партии, уступив сопернику совсем немного. Третью и четвертую партии выиграл. После этого Карлайл поднял ставку:

– Удвоим на последнюю игру?

Хоу несколько не возражал:

– Конечно. Как же иначе?

Мерседес гадала: неужели это ловушка? Неужели Карлайл с ее отцом все это подстроили? Неужели так уверены в мастерстве Бэррингтона и самоуверенности Хоу? Если так, это сделано красиво. Хоу не лучший игрок в этой комнате, но считает себя лучшим, в этом все дело. Если Бэррингтон выиграет у него, другие тоже захотят попробовать, проверить свое мастерство. Теперь Бэррингтон уже изучил стол, приспособился к тому, с какой скоростью катится шар по сланцевой поверхности, как отскакивает от резиновых бортов. Он выиграл серию, загнав в лузы три шара, чтобы сразу же захватить лидерство. Но Хоу это не смутило. Он забил три своих, прежде чем проиграл очередной удар. Мерседес подалась вперед в кресле. Последние два удара грозили стать для Бэррингтона весьма сложными. Он вытянул свое длинное тело и, наклонившись, позволил ей беспрепятственно увидеть стройный переход от ягодиц к бедрам. Кий скользнул по мосту между его пальцами с мастерской точностью. Удар был нежным. Биток медленно покатился в сторону прицельного шара и коснулся его ровно с той силой, которая

требовалась, чтобы с глухим стуком загнать его в угловую лузу, в то время как биток благополучно и без всякого риска качнулся назад. У Мерседес вырвался вздох, хотя она и не заметила, как затаила дыхание.

– Невероятно! – в восторге воскликнул Карлайл. – Один удар на миллион.

– Думаете, вы способны повторить этот удар? – с вызовом спросил Хоу, чувствуя себя не самым лучшим образом.

Отец бросил на дочь взгляд поверх голов гостей, и она приблизилась к столу.

– Сможет он или нет, в любом случае вам придется подождать следующего раза, джентльмены. – Она скользнула среди мужчин, окружавших стол, и протянула Бэррингтону руку. – Я должна на время украсть его у вас. Еще за обедом пообещала капитану показать наши сады в ночном освещении. – По каким-то своим причинам отец не хотел, чтобы Бэррингтона провоцировали дольше. Что до нее, в этот момент она вдруг оказалась ему полезна.

Глава 3

– Так, значит, все это куплено на деньги от бильярда?

То, что они видели, прогуливаясь по освещенным фонарями дорожкам сада, очевидно, произвело на Бэррингтона подобающее впечатление. Судя по всему, этого и добивался отец. Великолепный сад, расположенный за домом, содержался в образцовом порядке.

– Можно и так сказать. – Мерседес искоса взглянула на гостя. В мундире, пуговицы которого посверкивали в свете фонарей, он выглядел даже слишком красивым. – Мой отец умеет вкладывать деньги.

– Позвольте, я угадаю. Он вкладывает их в удачу, как сегодня вечером.

Мерседес оценила его проницательность. Он в очередной раз доказал свою сообразительность. Вот только соответствовала ли она планам отца?

– Сегодняшний прием устроен для продажи новых столов.

Он почти догадался. Ее отец действительно нашел сегодня покупателей на несколько столов. А еще попытался купить капитана. Возможно, хотел использовать его, чтобы привлечь внимание деловых людей к Всеанглийскому бильярдному турниру.

– Это не объясняет причину моего присутствия здесь. Я не покупаю столы, и вашему отцу это известно.

«Он явно слишком сообразителен», – подумала Мерседес и решила сменить тему:

– А в самом деле, что вы здесь делаете, капитан? Что собираетесь делать после того, как уедете из Брайтона? Или ждете приказа? Мы весь вечер говорили о бильярде, но я так ничего и не узнала о вас.

– Я намереваюсь подождать еще несколько месяцев. Посмотрю, не призовут ли меня к активным действиям. Если окажется, что это маловероятно, я продам свое звание.

– Значит, вам нравится военная служба?

Капитан Бэррингтон пристально посмотрел на нее проницательным взглядом:

– Для меня это наилучший вариант.

Они остановились на дорожке лицом к лицу. В его взгляде появилась серьезность, которой она не замечала до этого. Та же серьезность звучала в его голосе.

– А какова альтернатива? – спросила Мерседес почти шепотом.

– Вернуться домой и заняться фермерством под присмотром старшего брата. Он наследник, а я всего лишь младший сын.

От нее не укрылась горечь, с которой капитан произнес эти слова. Для мужчины, познавшего независимость, привыкшего отдавать приказы, возвращение домой под давящее крыло семьи едва ли привлекательно. Мерседес ощутила легкий трепет возможной победы. Она права: Бэррингтон – сын дворянина. Но он неотрывно смотрел на нее и ждал, что она скажет.

– Ну что, удовлетворены? Вы ведь это хотели узнать, когда привели меня сюда? Ваш отец надеялся, что я окажусь наследником титула, человеком, которого он стремится заполучить в качестве зятя? – Капитан даже не пытался скрыть цинизм.

– Нет! – воскликнула Мерседес, почувствовав себя униженной его предположениями. Хотя в не меньшей степени они испугали ее. Отец действительно дал ей поручение выяснить, каково положение Бэррингтона, но она надеялась, что не для этого. Но тогда для чего? Ответ ускользал.

– Вы уверены? У меня такое впечатление, что сегодняшний вечер устроен не только для продажи столов.

– Можете задать этот вопрос себе, капитан, – рассердилась Мерседес, хотя он сам достаточно ясно ответил на него, а она, в свою очередь, давно отказалась от попыток анализиро-

вать мотивы поступков отца. В основном потому, что, честно говоря, его намерения ранили ее самолюбие. Ей не нравилось считать себя очередным инструментом в его руках.

Ее слова вызвали у капитана резкий смех.

– Я долгое время пытался продать себя, мисс Локхарт. Но просто не нашел достойного покупателя.

– Возможно, вы просите слишком высокую цену. – Она ответила прежде, чем успела как следует обдумать слова, сорвавшиеся с губ. Не ожидала обнаружить в очаровательном капитане черты циника. Они намекали на те невысказанные глубины, которые таились под его привлекательной внешностью.

– А ваша цена, мисс Локхарт? Возможно, тоже слишком высока? – спросил он низким голосом соблазнителя.

– Я не продаюсь, – решительно заявила она.

– Продаетесь. Мы все продаемся. – По лицу Бэррингтона промелькнула улыбка, вернувшая ему мальчишескую прелесть. – Иначе вы не находились бы сейчас здесь наедине со мной.

Их глаза встретились. Голубые с вызовом смотрели в серые. В эту секунду Мерседес ненавидела его. Нет, не лично *его*, он всего лишь вестник. Она ненавидела то, что он сказал, открыл ей. Он высказал правду, которую она предпочитала не знать. Но она подозревала, что он прав. Она готова пойти на все, лишь бы завоевать признание отца, встать рядом с ним признанным бильярдным игроком, ни в чем не уступающим мужчинам.

– Хотите сказать, вы не джентльмен? – холодно отозвалась она.

– Я хочу сказать, нам лучше вернуться в дом, пока другие не начали строить догадки, которые едва ли понравятся нам обоим.

«Да, так будет лучше», – подумала Мерседес, беря его под руку. Она привела его сюда совсем не за тем, чтобы устроить перепалку. И уж точно это не входило в планы отца, какими бы они ни были. Не исключено, отец предполагал нечто, вроде тайного поцелуя. Она найдет капитана очаровательным, капитан ее красивой, а отец эту связь полезной. Она могла сыграть роль прелестной морковки, которой он будет помахивать, чтобы заманить Бэррингтона в свои сети. С этой точки зрения их прогулка по саду не совсем удалась. И дело не в том, что ей был бы неприятен его поцелуй. Наверняка понравился бы! Этот твердый изгиб губ, игривый взгляд, не говоря уже о сильных руках, прижимающих ее к упругой груди, все его мужские достоинства могли с легкостью лишить девушку ночного сна.

– Я дал бы шиллинг, чтобы узнать, о чем вы думаете, мисс Локхарт, – прошептал ей глубокий, низкий голос капитана без малейшей нотки цинизма. Прежнее очарование вернулось к нему. – Хотя, смею сказать, ваши мысли стоят куда больше, если судить по румянцу на ваших щеках.

О боже, она совсем забылась. Мерседес рискнула открыть часть правды:

– Я думала о том, как скоро может испортить чудесную лунную ночь.

Бэррингтон повернулся и теперь смотрел прямо на нее.

– Значит, у нас, наконец, нашлось что-то общее, мисс Локхарт. Я подумал о том же. – Его голубые глаза блуждали по ее лицу. Он дотронулся до ее щеки, приподнимая подбородок, его губы приблизились и прильнули к ее губам в томном поцелуе.

Мерседес забыла обо всем, чувствуя его руку, нежно и уверенно обнимавшую ее за талию. Этот человек привык прикасаться к женщинам, и делал это легко и естественно. Его тело излучало тепло с ароматом апельсинов и мыла. Поцелуй затянулся, Мерседес осознала, что стоит совсем близко к нему, ее тело ощущало все мужские плоскости, равно как его тело, несомненно, чувствовало все ее женственные изгибы.

– Так гораздо приятнее проводить время лунной ночью. Вы со мной согласны, мисс Локхарт?

О да. Гораздо приятнее.

– Ты поможешь мне с ним?

Мерседес отнесла к чести своего отца то, что он дождался завтрака и только тогда задал вопрос. Особенно если учесть, что завтрак был поздним. Мужчины продолжали играть в бильярд всю ночь уже после того, как капитан Бэррингтон, вежливо откланявшись, ушел, а она поднялась наверх, в свои комнаты.

– Это зависит от того, чего ты от него хочешь. – Она не собиралась ничего обещать вслепую, в ушах до сих пор звучали слова Бэррингтона о том, что все продается.

Отец откинулся на стуле, подложив руки под голову.

– Я хочу сделать его лицом бильярда. Он красив, любезен, обладает острым умом и играет как бог. Но при всех природных талантах ему надо оттачивать мастерство, доводить его до блеска. Он должен научиться проигрывать, когда это выгодно, изучить тонкости игры и игроков, понять, что бильярд не простая игра с приятелями по казарме, гоняющими шары по столу. Всего этого у него нет.

– Играя в бильярдных клубах Брайтона, он этому не научится, тамошние игроки слишком рафинированны. Подобный опыт можно получить только... – Мерседес вдруг запнулась, речь замедлилась по мере того, как приходило осознание, – на большой дороге, – закончила она. Гнев поднимался из самой глубины ее существа, оттуда, где она хоронила все свои старые обиды. Она отложила в сторону салфетку. – Нет. Я не стану помогать какому-то офицеру-неудачнику получить то, что по праву принадлежит мне. Если хочешь взять протекцию, это должна быть я. – Она встала, буквально трясаясь от злости. Все прежние протекции отца не принесли ей ничего хорошего.

– Мерседес, не начинай. Ты знаешь, я не могу делать ставку на женщину. Начиная с того, что в большинстве клубов тебя даже на порог не пустят.

– Существуют частные залы, где устраиваются приватные игры. Ты прекрасно знаешь это. Есть залы в собраниях. Помимо мужских клубов есть и другие места, где можно играть. Ты великий Аллен Локхарт. Если во всеуслышание скажешь, что женщина может играть в бильярд, люди тебя послушают.

– Все не так просто, Мерседес.

– Нет, не просто. Это трудно, но *ты* можешь это сделать. Ты просто решил не делать этого, – обвиняла она. – Я играю не хуже любого мужчины, но ты предпочитаешь ничего не делать.

Сидя на противоположных концах длинного стола, они смотрели друг на друга. Головоломка отцовского плана наконец сложилась в голове Мерседес. Он хочет взять Бэррингтона с собой в поездку, чтобы привлечь внимание к предстоящему июльскому турниру в Брайтоне.

– Может быть, его это не заинтересует, – предположила Мерседес. Что скажет джентльмен, вроде Бэррингтона, если узнает, каким образом его собираются использовать. Возможно, ей удастся сделать так, что его это не заинтересует. Даже если он согласится, у нее есть несколько способов отговорить его. После вольностей прошлой ночи можно попробовать холодность.

– Его заинтересует. Именно для этого мне понадобится ты. Заинтересуешь его. Какой офицер откажется от шанса поиграть в бильярд на деньги, имея под рукой хорошенькую женщину? – Еще один плюс в пользу холодности.

– Тот, у которого есть иные возможности. В конце концов, он сын дворянина. – Конечно, это безбожный блеф. Мерседес знала, что думал капитан Бэррингтон об этих «возможностях». – Даже если их негусто, ни одна благородная семья не допустит, что бы ее отпрыск зарабатывал на жизнь, нанявшись обычным игроком.

Ее аргумент попал в цель. Отец всегда с особой остротой ощущал пропасть между ним и теми, кто стоял выше. Ни деньги, ни слава, ни победы не мог ли стать мостом через нее.

– Посмотрим, – сдавленно произнес он. – Люди на многое способны из любви к деньгам. Послевоенные трудности во многом способствуют этому.

Мерседес опасалась, что в этом отец мог оказаться прав.

– Ты нужна мне, Мерседес, – взмолился он. – Мне нужно, чтобы ты поехала с нами, показала ему то, что ему необходимо знать. Я буду занят переговорами и организацией игр. У меня не хватит времени на то, чтобы обучать его.

– Я подумаю.

Мерседес была слишком горда, чтобы так легко сдаться, однако в глубине души понимала, что дело уже сделано. Других предложений у нее не будет. К тому же она дочь своего отца и не может совершить глупость, не воспользовавшись этой возможностью. В поездке она покажет отцу, чего стоит на самом деле, насколько необходима ему. Возможно, удастся вернуть былые времена, хотя бы отчасти. Они могли бы снова сблизиться, как раньше, до тех пор, пока ее трагическая ошибка не вбила между ними клин. В дороге всякое может случиться, даже вернуться прошлое.

– Ладно. Только думай быстрее. Я pošлю капитану Бэррингтону записку с приглашением на обед. Если он примет предложение, мне хотелось бы двинуться в путь в ближайшие дни.

Да, в дороге могло случиться всякое, особенно когда речь шла о нескольких неделях в обществе привлекательного капитана с его поцелуями. Черт бы побрал его синие глаза. Его присутствие придаст поездке дополнительный интерес, нужно только решить, что ей делать, любить его или ненавидеть. Он одновременно и шанс, и муха, способная увязнуть в ее меду. Он мог украсть ее место рядом с отцом. Правда, это место никогда ей не принадлежало. Мерседес не имела возможности занимать его открыто уже многие годы. Она лишь желала его с той же силой, с какой это желание бесило ее. Оставались поцелуи капитана. Что думать о них? Здесь нужна осторожность. Поцелуи могли оказаться опасны. Она не собиралась влюбляться в протеза отца. По опыту знала, как это притупляет чуткость, делает слепой в работе, которую ей придется выполнять. А вдруг удастся ограничиться одними поцелуями? На этот раз она поведет себя умнее. Так или иначе, Мерседес не могла позволить себе отказаться от поездки. Бэррингтон, пожалуй, сказал бы, что она назначила свою цену.

Гриир сидел за маленьким письменным столом в своей комнатухе, просматривая скучную почту. На худой конец, у него есть хотя бы это. Его несколько успокаивало, что мир не совсем забыл о нем, даже если из этого не следовало ничего хорошего. Он вскрыл письмо из военного ведомства. На него Гриир возлагал самые большие надежды. Один высокопоставленный и влиятельный друг его отца хлопотал о новом назначении для него, и Гриир с нетерпением ждал ответа. Он пробежал содержание и вздохнул. Ничего. Ирония судьбы в том, что цель армейской службы заключалась в поддержании мира и порядка, но именно это лишало военных их занятия. В мирное время такие, как он, оказывались не у дел. Гриир отложил письмо в сторону. Ему становилось все очевиднее, что военной карьере конец. Конечно, он мог сидеть на половинном жалованье сколько душе угодно, но без шансов на дальнейшее продвижение, это казалось бессмысленным. Второе письмо пришло из дома, Гриир открывал его с некоторым страхом, заранее зная содержание. Новости графства от матери и приказ отца возвращаться домой. Как всегда, письмо из дома наполнило его чувством вины. Ему следовало хотеть вернуться домой. Но он не хотел. Не хотел становиться фермером, сельским жителем. Его отец носил титул виконта, но был беден. Титул вместе с единственным поместьем достался Бэррингтонам четыре поколения назад, но деньги всегда шли к ним с трудом. Гриир не хотел жизни, в которой доходы едва покрывали расходы, не хотел брать на себя обязанности, которые придется неукоснительно выполнять. Его старший брат лучше подходил для такой жизни. А для чего подходил Гриир, он сам еще не понял. Протянувшись за третьим письмом, он с удивлением увидел, что оно от Аллена Локхарта. Короткий текст заставил Гриира улыбнуться.

«Мерседес и я хотели бы пригласить вас сегодня вечером на частный ужин с целью продолжить знакомство». Стиль записки мог принадлежать Локхарту, но стремительный, твердый почерк, бесспорно, принадлежал Мерседес. Гриир так и видел, как она с некоторым беспокойством пишет это письмо. Полные губы надменно сжаты, она немного волнуется, потому что и хочет, и не хочет снова видеть его. Гриир достаточно ясно понимал, она не знает, что с ним делать, целовать его, ненавидеть или что-то среднее, если такое возможно.

Мерседес.

Она перестала быть мисс Локхарт с того самого момента, когда оказалась в его объятиях. Их поцелуй был слишком дерзким, интимным, чтобы, думая о ней, он мог называть ее по фамилии. В его руках она была такой живой, теплой и гораздо более страстной, чем хотела показать своей надменной холодностью за обедом. В тот полный неожиданностей вечер эта стала самой приятной. В том-то и проблема. Но неожиданность ли это? Гриир в сомнении потер большим пальцем уголок твердой бумаги. В тот миг поцелуй казался совершенно спонтанным. Они спорили. Ему казалось, момент для поцелуя упущен, но внезапно вернулся. Он поцеловал ее. Гриир смутно припомнил, что сам сделал то, что можно назвать первым шагом. Однако повод дала Мерседес. Своим замечанием о лунной ночи намекнула, что прекрасно отдает отчет своим поступкам. Неужели этот флирт тоже спланирован? Ее последнее усилие помочь отцу осуществить тайные планы. Может, она поняла, что затевать спор с желанным гостем не самый лучший вариант? Записка определенно позволяла предположить, что это так. Должна быть какая-то причина, чтобы «продолжить знакомство». Вместе с тем, насколько он помнил, поцелуй не выглядел нарочитым. Напротив, казался совершенно естественным следствием неожиданно вспыхнувшей страсти. И вот теперь он приглашен на обед в узком кругу. Гриир понимал, это непростой обед, хотя был очень не прочь пойти. Там будет хорошая еда, хорошее вино и загадочная Мерседес. Уже одно это гарантировало его согласие.

Глава 4

Атмосфера за обедом царила совсем иная, чем предыдущим вечером, не столь показная, но от этого не менее впечатляющая. Гриир получал огромное удовольствие. Они сидели втроем в маленькой комнате, элегантно оформленной в нежных золотистых тонах, подобранных так, чтобы создавать более интимную обстановку. Даже еда отражала эту интимность. Они ели по-семейному, сочные бифштексы и молодую картошку, накладывая себе из китайской чаши, стоявшей посередине круглого стола, самостоятельно наливая из стеклянного графина густое красное вино. Это позволяло отказаться от услуг лакеев, нависающих над столом.

Гриир достаточно долго испытывал на себе тяготы воинской службы, чтобы в полной мере оценить маленькие радости момента, и был в достаточной степени мужчиной, чтобы оценить женщину напротив него. Мерседес Локхарт сияла в свете канделябров. Ее прелестное шелковое платье цвета меди, отделанное черным бархатом, могло бы окончательно свести с ума его сестер. На темных прядях блестящих гладких волос играли каштановые отблески свечей. Сего дня она позволила им свободно спадать по всей дли не, соединяясь в одну густую волну, соблазнительно лежавшую на ее высокой груди, отвлекая Гриира от разговора настолько сильно, что он едва не пропустил мимо ушей очередной вопрос Локхарта.

– Чем вы занимаетесь в Брайтоне, капитан? – Локхарт налил вина в его пустой бокал. – Наш сонный курортный городок должен казаться вам скучным по сравнению с военной жизнью.

Гриир поднял заново наполненный бокал.

– Жду очередной авантюры. – В этом Брайтон не так уж сильно отличался от военной службы. В армии тоже часто приходилось сидеть без дела и ждать. Спешить, а потом ждать. Ждать, что выживешь, ждать, что умрешь. Он все еще ждал, только сценарий изменился.

– А будет она? Очередная авантюра? – Локхарт задавал вопросы дружеским тоном, но Гриир чувствовал, он что-то вынюхивает, пытается что-то раз узнать. Прошлой ночью он рассказал о себе Мерседес, но она, видимо, не стала сообщать подробности отцу. Он бросил на нее благодарно-удивленный взгляд. Почему? Чтобы доказать, что он ошибся, обвинив ее в шпионстве в пользу своего отца?

– Вот в том-то и вопрос. – Гриир не видел смысла скрывать. Его жизнь была открытой книгой для тех, кто хотел читать ее. Открытой и, честно говоря, довольно скучной. – Друг нашей семьи взялся похлопотать за меня. Но я не одинок в своем стремлении получить новое назначение.

– Да, сейчас не те времена, – понимающе отозвался Локхарт. – Сейчас много офицеров, ищущих работу. На половину жалованья прожить трудно. Не хватит, чтобы содержать жену и завести детей. – Локхарт улыбнулся Грииру почти по-отечески. – Не сомневаюсь, вы в вашем возрасте думаете об этом.

– Полагаю, со временем, сэр. – Гриир подумал, что этот вопрос чересчур личный для столь короткого знакомства. Локхарт продолжал закидывать удочку, на сей раз Гриир решил не клевать. Однако его холодный ответ не смутил Локхарта.

– Сэр? – Локхарт добродушно рассмеялся. – Армия хорошо выучила вас, но здесь все по-другому. Мы не такие формалисты, правда, Мерседес?

– Конечно, папа. У нас здесь все попросту, – отозвалась Мерседес, обращаясь к отцу, хотя смотрела на Гриира, изучая его острым понимающим взглядом.

– Зовите меня Аллен.

Что здесь происходит? Внезапно Гриира охватило подозрение. Предложение Локхарта прозвучало действительно «попросту», выражаясь словами Мерседес, но уж слишком по-семейному. Отец учил его быть осторожным с таким легкодоступным дружелюбием.

Аллен наклонился вперед:

– А вы уверены, что вам нужна армия, чтобы обеспечить себе очередную авантюру?

А-а, теперь становилось еще интереснее. Если он продолжит игру, все очень скоро выяснится.

– Прошу прощения за недостаток воображения. Я нахожусь в слишком стесненных обстоятельствах, чтобы думать о чем-то другом.

Что мог иметь в виду такой человек, как Локхарт? Уж не собирался ли он сделать из Гриира продавца столов Тарстона? Что бы сказал на это его отец? Сын виконта торгует бильярдными столами. Стоило попробовать, просто чтобы посмотреть, что из этого выйдет.

– Поедьте со мной. Мне нужно привлечь внимание деловых людей к Всеанглийскому бильярдному турниру, который состоится в июле. Почему бы вам не поехать? Я оплачу все расходы, буду отдавать вам часть тех денег, которые мы заработаем по дороге. Большую часть. Я не прошу вас ставить на карту жизнь ради развлечения и авантюры.

«В отличие от армии», – не мог не дополнить про себя Гриир описание альтернативы. И еще он с абсолютной уверенностью мог поспорить, что они не будут спать в грязи под дождем и есть зараженный жучками хлеб и протухшее мясо.

– Что я должен буду делать? – спросил он. Надо обязательно что-то делать, его гордость не позволяла принять дармовую прогулку по Англии.

Аллен неуверенно пожал плечами:

– Вы будете играть в бильярд. Кендел говорит, людям нравится, как вы играете. Ваше присутствие пойдет на пользу делу, заставляя их подумать о том, что летом им стоит отправиться в Брайтон.

Это звучало совсем просто, просто и успокаивающе. Зарабатывать деньги тем, что он так хорошо умел делать. И все же что-то неуловимое, порожденное жизненными правилами, привитыми ему отцом, продолжало тревожить рассудок. Локхарт прав: ему не придется рисковать жизнью. Но может случиться, что он рискует чем-то большим. Возможно, даже своей душой.

– Это предложение весьма великодушно. Я не знаю, что вам ответить. – Это занятие «не для джентльмена».

Локхарт улыбнулся, видимо, несколько не смущенный тем, что Гриир не дал немедленного согласия.

– Тогда не говорите ничего. Обдумайте какое-то время. Мне нравятся люди, которые не спешат с принятием решений. – Он положил салфетку и встал. – Прошу извинить, у меня кое-какие неотложные дела в клубе.

Гриир решил, что ему тоже пора откланяться, однако Локхарт отмахнулся:

– Садитесь. Побудьте еще немного, поговорите с Мерседес, – и подмигнул дочери: – Уговори его, дорогая, расскажи, какое замечательное время ждет нас троих, когда мы будем колесить по Англии. Мы не пропустим ни одной ямы с водой на пути отсюда до Бата, куда доберемся до конца сезона, и повернем на север в сторону больших промышленных городов.

Гриир, приподняв бровь, посмотрел в сторону Мерседес:

– Нас троих?

Мерседес едва заметно улыбнулась и сосредоточила на нем понимающий взгляд, будто знала, что ее ответ обеспечит его согласие.

– Я тоже поеду.

Этот острый взгляд словно бросал ему вызов. Достанет ли у него мужества отправиться в поездку вместе с ней? Или хватило того, что было прошлой ночью? Достанет ли храбрости, чтобы остаться и получить больше? Но чего больше? Гриир задумался. Ее колких слов или сладких поцелуев? В комнате повисла напряженная тишина. Их взгляды сошлись в безмолвном поединке, каждый слишком хорошо ощущал, о чем думает другой. Аллен Локхарт кашлянул. Тонкая усмешка искривила его губы, когда он сунул руку в карман сюртука.

– На радостях, совсем забыл отдать вам это. – Он протянул Грииру толстый конверт. Тот приоткрылся, и Гриир увидел банкноты.

– Это за что же? – Он уставился на деньги. Их хватило бы на то, чтобы заплатить за его жалкую комнатенку, возможно, кое-что даже удалось отправить домой. Отец упоминал, что крыша на ферме нуждается в ремонте. «Стоп, – остановил он себя. – Это не твои деньги. Еще не твои».

Улыбка Локхарта расплылась еще шире. Он выглядел как человек, испытывающий огромное удовольствие от того, что может порадовать другого желанным подарком.

– Они ваши. За победы прошлым вечером.

Гриир отрицательно покачал головой и положил конверт на стол:

– Я не делал никаких ставок.

– Нет. Но я делал. Я поставил на вас, и вы заработали мне денег. Это ваша доля. Ваше жалованье, если вам приятнее так это называть.

Соблазн был очень велик, особенно когда Локхарт повернул дело таким образом.

– Я не могу их взять. Ведь вы не получили бы с меня денег, если бы я проиграл.

Локхарт удовлетворенно кивнул:

– Понимаю. Я уважаю честных людей. – Он взял конверт и бросил его Мерседес, которая ловко поймала его. – Подумай, дорогая. Возможно, тебе удастся найти, на что их потратить.

– Что вы предпочитаете? – Пройдя вокруг стола, Мерседес вытащила из луз шары слоновой кости. – Сыгрывание чужих? Сыгрывание своих? Какой цвет? Назовите. – После того как отец ушел, она отвела капитана в бильярдную. Еще раз взглянуть на стол Тарстона совсем не лишне. Совершенство не знает предела.

– Вы играете?

Она услышала, что звук мелка, которым он натирал кий, затих, верный признак того, что он замер от удивления.

– Да, играю. Вас это удивляет? Напрасно. Я дочь Аллена Локхарта. Вся моя жизнь вертится вокруг бильярда. – Мерседес сняла со стены кий, уголком глаза наблюдая за капитаном. К чести Бэррингтона, он не стал удивляться, традиционно запинаясь: «Н-н-но вы же женщина!» Он лишь улыбнулся и, сдув излишки мела с кия, сказал:

– Что ж, сыграем.

Они сыграли «сыгрывание чужих», загоняя в лузы битки друг друга. Мерседес действовала осторожно, смешивая умелые и не совсем умелые удары, чтобы заставить Бэррингтона ответными ударами раскрыть себя. Станет ли он играть жестко против женщины? Она с громким стуком закатала в лузу последний шар:

– Я выиграла, – и бросила на него сердитый взгляд, подозревая, что он намеренно сдал ей вторую партию. – Хотя не должна была. Вы уступили мне очко, когда промахнулись на третьем ударе. – Это был искусный промах. Любитель ничего бы не заметил. Такие промахи случались. У столов масса дефектов, приводящих к просчетам. Но она заметила. – Вы боитесь выиграть у женщины?

Гриир громко и искренне расхохотался.

– Однажды вечером я уже выиграл у вас. Победил в самой первой игре, если помните.

– Я помню. И подозреваю, вы оказались очень уж джентльменом, чтобы выиграть вторую. – Мерседес говорила совершенно серьезно.

Это была одна из тех вещей, о которых отец просил ее узнать и от которых она должна была избавить капитана. В поездке такое благородство стало бы проклятием. Мерседес подозревала, что оно не ограничивается женщинами, а распространяется на бедных фермеров, приехавших в город в базарный день и зашедших сыграть партию, на тех, кому постоянно изменяла удача, и на тех, кто, в отличие от него, ставил больше, чем мог себе позволить проиграть.

Это благородство уходило корнями в кодекс дворянской чести, в котором воспитывались дворянские дети и придерживались на протяжении всей жизни.

– Такие сантименты разорят вас, капитан, – с игривой улыбкой сказала Мерседес, собирая шары для следующей партии.

Бэррингтон неуверенно пожал плечами:

– Мои манеры едва ли могут меня разорить, когда на кону нет денег. Мы ведь просто играли.

– Так ли? – Мерседес выпрямилась. Просто играли? Ее отец побледнел бы от одной мысли о том, чтобы «просто играть». Такого не существовало в природе. Она протянула руку за конвертом, который еще раньше положила на маленький столик. Бросила его на бильярдный стол. – Я хочу посмотреть, на что вы действительно способны, капитан. Этого хватит? – Она точно знала, какое применение этих денег имел в виду ее отец. Она должна купить капитана.

– Вы серьезно? – Когда Бэррингтон встретился с ней глазами, взгляд сделался мрачным и пристальным. Он больше не смеялся, не обращая внимания на обвинения его в том, что он поддался.

– Я всегда серьезна, когда речь идет о деньгах, капитан.

– Я тоже.

Мерседес знала, что это правда. Расчетливое выражение, появившееся на его лице, подтверждало ее уверенность. У Бэррингтона появился шанс честно выиграть то, что предлагал ему отец Мерседес. Он отчаянно хотел получить эти деньги. Она заметила в его глазах всплеск радости, пусть и мимолетной. Только честь мешала ему согласиться.

– Давайте же, капитан. Нужно выиграть две партии из трех.

В первой партии она обыграла его на одно очко, когда он чуть-чуть промахнулся. На сей раз непреднамеренно. Перед второй партией он снял мундир и закатал рукава. Возможно, этим пытался отвлечь ее? Если так, стратегия не так уж плоха. Без мундира, Мерседес особенно отчетливо видела все его движения, подчеркнутые темно-коричневыми брюками. Невозможно отрицать нечто притягательное в мужчине, одетом лишь в жилетку и рубашку, особенно когда этот мужчина сложен так же хорошо, как капитан Бэррингтон. А этим вечером он был особенно хорош в хрустящей белой рубашке и модной шелковой жилетке цвета бургунди с шалевым воротником, открывавшей широкие плечи. В пылу азарта светлые волосы, которые он, разделив пробором, зачесывал набок, свесились вперед. Теперь, когда он сосредоточился на очередном ударе, это золотистое великолепие упало ему на лоб, скрывая от Мерседес его глаза. Капитан выглядел привлекательно, впечатляюще. Людям бы это понравилось. Женщине было бы приятно представить себе, как эти волосы, это лицо склоняются над ней сверху, представить себе обнаженным его сильное тело. Она отогнала прочь приземленные мысли. Надо проиграть эту партию. Сей час не время представлять себе обнаженного капитана в агонии любовных утех. Как она и планировала, Бэррингтон выиграл вторую партию. Этого требовала его честь. Он обещал Мерседес показать свою лучшую игру и намеревался сдержать слово. Честь сделала его слепым по отношению к бесчестию другой стороны. Она и, возможно, его предвзятость не позволили капитану заметить в ее игре некоторые уловки. Мужчина мог говорить все что угодно, но ни за что не поверил бы, что женщина может представлять для него реальную угрозу, пока не стало слишком поздно. Мерседес не думала, что капитан чем-то отличается в этом отношении от большинства. В конце концов, такова природа мужчин – верить в свое непогрешимое превосходство.

– Наступает момент истины. Победитель получает все.

Мерседес с мрачной решимостью сжала губы. Может быть, кто-то не знает, но правильно проиграть ничуть не легче, чем выиграть. Однако третью партию Бэррингтон играл практически безошибочно. Загонял шары в лузы, почти не касаясь кием битка, и это значительно

облегчило ее задачу. Он заулыбался, и постепенно напряжение, охватившее его во время второй партии, спало, сменившись естественной убежденностью и самоуверенностью.

– Вы только посмотрите, – добродушно похвалился он после особенно сложного удара, – просто как по маслу.

Мерседес тоже засмеялась. Не могла удержаться. Его веселье было так заразительно. «Наверное, по этому людям нравится играть с ним», – подумала она. Даже когда проигрываешь, хочется, чтобы он победил. Он завораживает, очаровывает. Это нужно сохранить. Она мысленно занесла это в свой список. Благородство – нет, очарование – да. Но можно ли устранить одно, не касаясь другого? Не изменив его самого? Гриир Бэррингтон привлекателен сам по себе. Мерседес не нашла ответа и приготовилась к своему последнему удару, чуть усилив его, чтобы гарантировать ошибку. Внешне все выглядело правильно, иначе бы он догадался, но движение битка оказалось слишком рискованным, и это решило исход игры в его пользу. Мерседес в раздражении стукнула толстым концом кия по полу.

– Черт побери! Я сорвала удар.

Бэррингтон засмеялся.

– Вы не умеете проигрывать. – Он произнес это с таким удивлением, как будто сделал неожиданное открытие. Уселся на край стола. Его глаза горели уверенностью и озорством. Но она уже знала, что будет дальше. С одной стороны, ей хотелось, чтобы он взял деньги и покончил с этим. Если бы у него хватило ума, он бы положил конверт в карман, ушел и навсегда забыл о Локхартах. Но его проклятое благородство должно было сработать против него.

– Я даю вам шанс отыгаться. Одна партия решит дело. Ставлю *свой* конверт против...

Она прервала его:

– Против поездки. Ваш конверт против поездки. Если я выиграю, вы примете предложение моего отца. – «Не делайте этого. Ставка слишком высока, и вы должны это понимать».

С минуту Бэррингтон внимательно изучал ее.

– Я собирался сказать, поцелуй.

– Хорошо, и поцелуй, – прохладно ответила Мерседес.

Однако почувствовала себя совсем не так спокойно, как делала вид. То, что ждало ее впереди, совсем не похоже на предыдущие партии, в которых она определяла исход. Она сама решила, кто должен победить, и с легкостью добилась этого, проиграв. Теперь не удастся все контролировать. На этот раз у нее оставался только один выход – полная победа.

Натерев свой кий мелом, она смотрела, как Бэррингтон проводит одну из своих сокрушительных серий в новом все более популярном в бильярдных залах высшего общества стиле. Изучив позицию на столе, она сделала удар. Перед следующим она осторожно наклонилась над столом, демонстрируя выступавшую над квадратным вырезом платья ложбинку между грудами. Если капитан снял мундир, почему бы и ей не воспользоваться своими достоинствами. Мерседес подняла глаза вовремя, заметив, как торопливо он отводил взгляд, не успев сделать этого до конца. Улыбнувшись, она вернулась к своему битку.

– Как по маслу, – констатировала она, когда шар с тихим хлопком провалился в лузу.

Бэррингтон сделал очередной удар.

– Как джем по тосту. – Он с вызовом приподнял бровь в ее сторону. Его позиция на столе оказалась более выгодной, и сделать удар не составляло труда. Ни один из оставшихся у него ударов тоже не требовал ни особого мастерства, ни особой удачи. Мерседес должна была что-то предпринять прямо сейчас, иначе капитан обошел бы ее и выиграл. Если она промахнется, он победит, а ей необходимо объясняться с отцом. Правда, если не попытаться, она все равно проиграет.

Мерседес наклонилась, разглядывая стол. Позиция ее не устроила, поэтому она передвинулась, наклонилась, посмотрела на шар и снова передвинулась. Наконец, удовлетворившись увиденным, она прицелилась.

– Похоже, мой джем немного густоват.

Последовал удар, и после того как биток разбил два шара, которые она присмотрела, каждый из них мягко закатился в предназначенную для него лузу.

Капитан наградил ее острым взглядом:

– Впечатляет. Кажется, вам удалось кое-что утаить от меня.

Мерседес повела плечом:

– У каждой леди свои секреты.

Следующие два удара ознаменовали ее победу.

Риск принес свои плоды. Бэррингтон не слишком радостно положил кий на стол.

– Вы выиграли. Значит, поездке быть.

Мерседес обошла вокруг стола и встала рядом с ним. Ее грозило охватить чувство вины. Она вынудила капитана согласиться. Весь вечер она старательно добивалась именно такого исхода. Возможно, нечестно.

– Вам понравится. Вы сможете играть в бильярд дни и ночи напролет. Мой отец познакомит вас со множеством людей. У вас будет масса возможностей. – Она с усилием сунула ему в руки конверт. – У вас появятся деньги. Не придется заниматься фермерством в поместье. – Мерседес постаралась засмеяться, но не смогла.

– Я проиграл.

– Я не просила вас вернуть конверт в случае, если я выиграю.

Она улыбнулась, глядя ему в лицо. Хотелось надеяться, что он расценит эту улыбку как дружескую. Сегодня она обошлась с ним жестоко, независимо от того, понимал он это или нет. Но теперь им предстояло действовать заодно. Он станет ее шансом. Его успех будет ее успехом. По крайней мере, на какое-то время, до тех пор, пока она не сочтет, что он выполнил свою миссию, как, например, сегодня.

Мерседес решительно забрала конверт у него из рук и сунула ему под жилетку. Коснувшись рукой его груди, почувствовала сквозь рубашку тепло его тела. Положила конверт во внутренний карман.

– Поездка не слишком затруднит вас, верно? Вчера вечером вы убедили меня, что не имеете никаких определенных планов. – Мерседес улыбнулась, ощутив очередной приступ угрызений совести. Хотелось надеяться, что она ничего не испортила.

– Да нет. По правде сказать, жду ее с нетерпением. – Бэррингтон небрежно улыбнулся, возможно, для того, чтобы успокоить ее. – Мне просто интересно мнение отца. – Ох уж этот праведный виконт с его пустыми сундуками.

– Отцы не всегда знают, как лучше, – тихо ответила Мерседес. – Особенно если они хотят удержать нас. Наши пути не всегда совпадают с их дорогой.

Капитан взглянул ей в глаза и задержал взгляд, словно хотел проникнуть в самую глубину ее души. И прежде чем он успел задать какой-нибудь трудный личный вопрос, она поднялась на цыпочки, обхватила его руками за шею и крепко поцеловала в губы. Гриир ответил на ее поцелуй. Вечер выдался слишком напряженным, и он не желал упустить возможность выплеснуть энергию. Скользнул языком внутрь, затеял с ее языком дуэль, подобную той, которую за обедом вели их глаза. По плечам Мерседес побежали мурашки. Не потому, что прежде она не знала мужских ласк и поцелуев. Она отнюдь не невинная светская дебютантка. Всё дело в его исключительной мужской силе.

Гриир притянул ее ближе, и она ощутила силу его рук, сомкнувшихся у нее на талии. Его физическая сила не уступала силе ума. Здесь было все: сила, благородство, самообладание. Более слабый мужчина сделал бы поцелуй мучительным, забывшись в пылу похоти. Но не капитан Бэррингтон. Он отпустил Мерседес, не желая превращать ее в объект инстинктивных стремлений на бильярдном столе Джона Тарстона. Не потому, что лишен их, а потому, что

джентльмен. Мерседес почувствовала себя немного разочарованной. Ей хотелось бы увидеть, каков капитан, когда дает себе волю.

– Зачем вы это делаете? – произнес он любезно.

Мерседес отступила назад и расправила юбки, снова взяв себя в руки.

– Это ваш утешительный приз. Ступайте домой, собирайте вещи, капитан. Мы уезжаем в четверг.

Глава 5

В четверг утром Гриир сидел напротив Мерседес в элегантной дорожной карете, снабженной всеми современными удобствами: сиденья, обитые итальянской кожей, багажные ящики для корзин и саквояжей под ними, отделение для пистолетов, большие застекленные окна со шторами для того, чтобы пассажиры могли уединиться, если наскучит окружающий пейзаж. Даже его горделивый отец почувствовал бы некоторую зависть к этой сверкающей новой карете. Хотя тем не менее не одобрил. Желание что-то получить не означает одобрения, если речь заходит о его отце. Джентльмен мог сколько угодно хотеть получить красивую карету соседа, но никогда не опустится до того, чтобы получить, отработав за нее. Джентльмену полагалось иметь принципы. Гриир понимал, что за последнюю неделю уже несколько раз нарушил эти принципы самым безбожным образом.

– Ваш отец умеет путешествовать со вкусом, – одобрительно произнес он, стараясь завести хоть какой-нибудь разговор, лишь бы выбросить из головы размышления о том, как отреагировал бы отец на его поведение в последнее время.

Мерседес пожала плечами, словно не замечала окружавшего ее богатства и великолепия. Возможно, они просто не производили на нее такого сильного впечатления, как на капитана.

– Он любит все самое лучшее. – И это все, что она сказала после продолжительного молчания, достала книгу и погрузилась в чтение, предоставив Бэррингтона мыслям, от которых он пытался избавиться.

На тот момент они сидели в карете вдвоем. Локхарт предпочел ехать снаружи, сидя рядом с кучером и наблюдая за Грииром сверху – еще одно обстоятельство, которое вызвало бы недовольство отца. Незамужняя женщина в карете наедине с мужчиной. Или, в его случае, родовой холостяк в карете наедине с женщиной совершенно неподобающего сорта, что позволит ей воспользоваться обстоятельствами в надежде окрутить вышеназванного холостяка. Конечно, опасно! Гриир подавил кривую усмешку. В действительности это было смешно. Он офицер армии его величества короля. У него есть возможность прикоснуться к весьма соблазнительной женщине. Если Локхарт хотел, чтобы что-нибудь произошло, его уловка выглядела слишком очевидной.

Гриир улыбался, представляя себе всевозможные безумные варианты развития событий. Если Мерседес должна его скомпрометировать, то интересно как? Прыгнет на него, воспользовавшись малейшей неровностью дороги, и сорвет рубашку? Или станет действовать более тонко? Начнет потягиваться и поднимет руки над головой так, чтобы сильнее выпятить грудь и продемонстрировать неудовлетворенное желание. На протяжении добрых двух миль мысли Бэррингтона вертелись вокруг этого. Ничего страшного, всего лишь упражнения для ума. Он уже видел ее полураздетой, обмахивающейся веером, когда решил остановиться. Джентльмену предполагалось где-то остановиться. Если бы Мерседес узнала, что он себе воображал, вполне возможно, предпочла бы поддержать его попытку завести разговор. Но раз уж этого не произошло, Гриир, дойдя до предела возможного в своем воображении на определенную тему, провел большую часть утра, направив их в другую сторону. В основном к размышлению над тем, как могло случиться, что он уехал из города. И все из-за красивой женщины. Определенно, один из его самых спонтанных поступков за долгое время. Армия не то место, где поощряются рискованные игры. Офицеру следует соизмерять риск с осторожностью, и капитан не новичок в отношениях с красивыми женщинами. Прелестная сеньора в Испании, загадочная вдова на Крите. Однако рядом с Мерседес Локхарт, погруженной в книгу, их прелести бледнели, поскольку красота Мерседес не сводилась к внешним достоинствам, невероятным глазам, высоким скулам и полным чувственным губам, таким соблазнительным, когда она улыбалась. И не в том дело, что она знала, как их подчеркнуть с помощью красивых причесок и дорогих

платьев. Нет! Суть красоты заключалась в самом ее существовании, в умении держаться, уверенности и обольстительности. Она не боялась своей власти и умения пользоваться ею. Мерседес Локхарт не была поминутно краснеющей светской девушкой или женщиной, прибегающей к притворной скромности в надежде выглядеть добродетельной. Его отец не одобрил бы ее, как не одобрил бы целей, которые привели Гриира в эту карету. И то и другое считалось скандальным для человека его происхождения и положения. Однако Гриир думал, что отец ошибся бы, увидев в Мерседес всего лишь женщину, свободную от условностей. Горе тому мужчине, который увидел бы в ней только это. Она обладала силой и притягательностью, которая могла оказаться убийственной для того, кто попал в ее сети. У французов есть слово, характеризующее таких женщин. *Femme fatale*. Ну что ж. На поле боя ему случалось встречаться лицом к лицу и с более страшными вещами, чем красивая женщина. Гриир глубже утонул в сиденье и улыбнулся, решив поиграть сам с собой еще в одну тайную игру, в которой на Мерседес оставалось бы больше одежды, чем в предыдущей. Сколько времени он сможет смотреть на нее, прежде чем она поднимет на него глаза? Тридцать секунд? Минуту? Дольше? На тридцатой секунде она начала ерзать, хотя и почти незаметно, отчаянно стараясь не обращать на него внимания. Через сорок пять секунд обнаружилось, что ей нужно невероятно большее время, чтобы одолеть одну страницу. Через минуту Мерседес бросила чтение и уставилась на него пристальным взглядом. Гриир усмехнулся. По крайней мере, его *femme fatale* оказалась человеком.

– Куда вы смотрите? – Мерседес отложила книгу в сторону.

– На вас, – ответил Гриир. – Неизвестно, сколько времени нам придется провести вместе. Вот мне и пришло в голову, пока я сидел тут в тишине, скоротать утро, наблюдая...

– Наблюдая за мной, – поправила Мерседес.

– Хорошо, наблюдая за вами, – согласился Гриир. – Как я и сказал, мне пришло в голову, что я пустился в путь с двумя едва знакомыми мне людьми, хотя теперь мое ближайшее будущее тесно связано с их будущим.

Мерседес одарила его одной из своих понимающих улыбок.

– Похоже, вы даже больше игрок, чем считаете сами, капитан.

Гриир на минуту задумался.

– Думаю, да. Хотя нам не следует оставаться незнакомцами.

– Что вы предлагаете?

Гриир вытянул ноги, устраиваясь удобнее.

– Немного поиграть в вопросы и ответы, как мы называем это в армии.

– Ответы или догадки. – Мерседес украдкой улыбнулась. – Я знаю эту игру, капитан, вы не слишком оригинальны.

– Нет. Никаких догадок. Не ответить *нельзя*. На вопрос должен быть ответ. Отказаться невозможно. – Гриир положил руки под голову. – Дамы начинают. Спрашивайте меня, о чем хотите.

– Хорошо. – Мерседес немного подумала. – Вы всегда хотели стать военным?

– Меня всегда готовили к этому, с тех пор, как я себя помню. – Гриир отвечал честно, хотя сознавал, что его ответ не полон. – А вы всегда так хорошо играли в бильярд? Родились с кием в руке?

Прелесть игры заключалась в том, что участники могли прямо спросить о том, о чем никогда не решились бы говорить на светской беседе за обедом или чайным столом. Они задавали вопросы и отвечали на них несколько часов и, таким образом, лучше узнавали друг друга. Гриир узнал, что она путешествовала с отцом до одиннадцати лет, когда он отослал ее в закрытую школу. После этого она приезжала домой только на каникулы и, заинтересовавшись бильярдом, стала наблюдать и изучать игру, вокруг которой вертелась их жизнь. Он узнал, что ее мать умерла при родах, а ее имя по-испански означало «милость», это очень подходило для маленькой девочки, оставшейся на попечении одинокого отца, профессионального бильярди-

ста, который с легкостью мог сплавить ее дальним родственникам и больше никогда не оглянуться назад. Однако Локхарт этого не сделал. Он собрал ее в дорогу с колыбелькой и всем остальным и продолжил строительство своей империи, пока его маленькая девочка не оказалась окруженной всей той роскошью, которую он смог купить на свои несправедливо нажитые деньги. Таковы факты. Когда Гриир собрал их все, он сделал то, за что его так ценили в армии, – сложил воедино. И увидел пламя, в котором закалялась Мерседес Локхарт, которое все еще продолжало закалять эту невероятную женщину с ее утонченностью, образованностью и стойкостью. Сделала ли она в отношении его то же самое? Ее вопросы касались только самого главного. Большая ли у него семья? Каковы его родители? Что он любил читать? Чем занимался в свободное время? Удалось ли ей сложить все воедино и докопаться до его сути? Гриира тревожила мысль о том, что она могла увидеть больше, чем он хотел показать. Но в этом риск игры, насколько глубоко один сможет проникнуть в суть другого. Чем дольше шла игра, тем больше вопросы отходили от удовлетворения общего любопытства, расспросов о семье и прошлом в сторону более личную.

– Кто была та девушка, которую вы поцеловали в самый первый раз? – Мерседес сверкнула лукавой улыбкой и тут же добавила: – В каком возрасте это случилось?

– О, несколько вопросов в одном, – добродушно съязвил Гриир. Впрочем, это несколько не смутило его.

– Вопрос о первом поцелуе хорош только в привязке к возрасту. Это дает представление о перспективе. – Мерседес пыталась весело защититься.

– Ладно. Это была Кэтерин Деннингтон, – с теплой улыбкой вспомнил Гриир. – Мне было четырнадцать, а ей пятнадцать. Она дочь нашего деревенского булочника и в те годы отличалась прелестной округлостью именно там, где надо. – Он притворно вздохнул. – Увы, теперь она замужем за деревенским мясником, и у них двое детишек. – Гриир подмигнул Мерседес. – Как вам такая перспектива? – Он посмотрел на нее с преувеличенным вниманием оксфордского профессора. – И, возвращаясь к перспективе, мисс Локхарт, раз уж вы заговорили о поцелуях, будет справедливо, если вы расскажете о вашем первом интимном опыте.

Гриир спросил больше из озорства. Нельзя допустить, чтобы она разожгла огонь и сбегала прочь. Несмотря на нарочитую несерьезность, Гриир отчасти ожидал отповеди и готов был избавить ее от необходимости отвечать. Он не ждал ответа. Мерседес прищурила кошачьи глаза и ответила ему таким же испытующим взглядом, чтобы убедиться, что он внимательно слушает ее.

– Это было ужасно. Какой-то мокрый грязный наскок в ответ на подростковое любопытство. Все произошло так быстро и закончилось прежде, чем я успела сообразить, что к чему. А как с вами, капитан? Лучше или хуже?

Веселье исчезло, сменившись чем-то куда более серьезным. Теперь они говорили не о поцелуях. Гриир ответил коротко:

– Со мной лучше, гораздо лучше. – Это был не просто ответ, а предложение, которое не мог бы произнести ни один здравомыслящий джентльмен. Они оба понимали это.

– Отлично сыграно, капитан.

Мерседес откинулась на спинку сиденья, пораженная и испуганная. Вместо того чтобы смутиться от ее признания, он с отвратительной самоуверенностью отказался откровенничать и закрылся. Она могла бы поставить его на место, резко отозвавшись по поводу природного мужского высокомерия, стоило лишь завести речь об их сексуальной силе. Но такое возражение привело бы их на скользкую дорожку потрепанных острот.

– Теперь мы знаем секреты друг друга, – тихо сказал Гриир с подобающей моменту церемонностью. – Что дальше?

Мерседес выглянула из окна, стараясь выиграть время, чтобы подобрать подходящий ответ. Карета замедлила ход. Прекрасно.

– Ланч. Дальше будет ланч.

Лучше ничего не придумашь. Остановка предполагала завершение игры, а значит, конец всем неловким попыткам заглянуть в ее прошлое. Лучше оставить его в покое. Она совершала ошибки. Была слишком доверчива. И ей не хотелось создать впечатление, будто это может повториться. Не следовало давать Бэррингтону возможность тешить себя неподобающими мыслями.

Мерседес знала, какими могут быть эти мысли: затеять флирт, затащить ее в постель, а потом оставить, когда различия в их положении станут слишком очевидны, чтобы их не замечать. Сыновья виконта могли предложить ей разве что небольшое развлечение, не больше. Но дело не в том, что возможный роман с капитаном смутил бы ее. Он уже продемонстрировал многообещающую склонность к постельным играм и, несомненно, был хорошо приспособлен к ним. Но бросаться в эту авантюру имело смысл только на ее условиях. Мерседес помахала на себя рукой. Здесь стало жарко или дело в ней? Она подумала, что неплохо бы выйти из кареты и размять ноги. Утренние облака рассеялись, уступив место редкому для апреля солнечному дню. Ее отец выбрал премилое место для остановки, недалеко от дороги, с зарослями полевых цветов вокруг высокого дуба, с протекавшим рядом ручьем, где можно напоить лошадей. Мерседес отошла подальше, чтобы некоторое время побыть одной, давая кучеру и груму время заняться лошадьми, прежде чем она начнет выкладывать еду. Однако, вернувшись, увидела, что опоздала. Кто-то уже позаботился обо всем, устроив привал без ее участия. Под дубом белела расстеленная скатерть, корзину с едой распаковали. Наиболее вероятный виновник этой активности стоял рядом. Его белокурые волосы упали на лицо, в то время как он с мастерством джентльмена, приобретенным в результате длительной практики, вытаскивал пробку из бутылки с вином. Это еще раз напомнило Мерседес о разнице в их общественном положении. Ее отец так и не овладел искусством самостоятельно открывать шампанское. Он всегда смеялся, говоря, что не имеет смысла себя утруждать, когда есть лакеи, которым за это платят. Слишком уж поздно приобщился к роскошной жизни, где шампанское считалось обычным делом. С Грииром все обстояло иначе. Он мог говорить что угодно о тяготах армейской жизни и нехватке денег у его семьи. Неизгладимые привычки джентльмена давали о себе знать в любых обстоятельствах. Чистильщики обуви из Бата не имели таковых. Гриир поднял взгляд и улыбнулся, завидев ее. Пробка с тихим хлопком вылетела из бутылки. Наполнив бокал, он протянул его Мерседес:

– Оно еще прохладное.

Она с удовольствием почувствовала, как легкий изысканный фруктовый вкус приятным холодком обжег пересохшее горло. В тот миг Мерседес не могла себе представить ничего более вкусного. Гриир налил себе и жестом предложил ей сесть. И только тогда она обратила внимание на то, что они совершенно одни. Слуги отошли довольно далеко, отец странным образом исчез.

– Где отец?

– Он решил поехать вперед верхом. Судя по всему, в соседнем городке проходит весенняя ярмарка. До него около часа езды.

Гриир принялся накладывать на тарелку хлеб, холодное мясо и сыр.

– Он хочет удостовериться, что нам предоставят комнаты в гостинице.

Похоже, он хотел не только этого, а еще разузнать, как дела с бильярдом. Что за люди приехали в город? В какой гостинице есть бильярдный стол? Кто хорошо умеет играть? К тому моменту, когда они подъедут, он уже оглядится вокруг и обзаведется очередным «лучшим другом». Мерседес подняла голову к небу. Стоял полдень. Они доберутся до городка самое позднее к двум часам. Останется еще уйма времени, чтобы погулять по ярмарке и получить удовольствие от общения. Они смогут провести это время вдвоем. Один час не будет стоить отцу ровным счетом ничего. Он намеренно уехал один. И не без причины. Мерседес следовало

проявить осторожность и не показывать, что она его знает, пока он сам не захочет этого. Возможно, он хотел, чтобы все выглядело так, будто они незнакомы. В прежние времена они с Кенделом не раз проделывали подобные штуки.

– Мерседес, ваша тарелка.

Она невольно подумала, что бы он сказал по поводу разных игр на доверии, в которые так любил играть ее отец? Игр, где границы честности размыты?

– Спасибо. – Она поставила тарелку себе на колени и стала смотреть, как он наполняет тарелку для себя. Длинные, сужающиеся к кончикам пальцы аккуратно выбирали куски мяса и сыра.

– Я подумал, не захотите ли вы прокатиться верхом сегодня вечером, если погода будет хорошей? Я заметил, что вы с отцом взяли с собой верховых лошадей.

Прекрасно. Вечер обещал быть слишком хорошим, чтобы провести его в карете. Кроме того, это давало идеальную возможность для беседы.

Ланч они провели за разговорами о лошадях, о которых Мерседес не знала и половины того, что знала о бильярде. Ей нравилось слушать, как Гриир рассказывает про своего жеребца Руфуса и других своих лошадей. При этом его лицо оживлялось, манеры становились непринужденными, что особенно ярко проявлялось сейчас. Она и раньше замечала это, когда они играли в бильярд и сегодня утром в карете. Но тогда Гриира постоянно сдерживала та часть его натуры, которая никогда не забывала, что он офицер и сын виконта. Сидя под дубом, он просто был *собой*. И она тоже. Не дочерью Аллена Локхарта, рассчитывающей каждый последующий шаг. Она *действительно* забыла об этом до тех пор, пока вдали не показались ярмарочные флажки и не настало время вспомнить, зачем они здесь.

– Мы должны найти вашего отца? – спросил Гриир, высматривая место, где можно оставить лошадей, пока не подъедет карета со слугами, которые займутся ими.

Мерседес с улыбкой спешила.

– Думаю, пусть сам ищет нас. А мы тем временем с удовольствием погуляем по ярмарке.

Глава 6

«Это чистейшее безрассудство», – подумала она, когда они привязали лошадей на подъезде к ярмарочной площади. Пребывание с капитаном наедине грозило всевозможными проблемами. Но не обычными проблемами. Она достаточно взрослая, чтобы обойтись без присмотра. И не похоже, что капитан собирался воспользоваться ее женской слабостью. Опасность в том, чтобы смешать приятное с полезным. Она отправилась путешествовать, чтобы подготовить его, ввести в мир профессионального бильярда, а не для того, чтобы устраивать пикники под деревьями, гулять по ярмарочным площадям или играть с ним в карете в салонные игры. Все это могло завести на опасный путь, где чувства вторгались на территорию бизнеса. Но сейчас она не хотела противиться. Это произойдет очень скоро. У отца наверняка есть план. Но не сейчас. День принадлежал ей. Они обошли все прилавки, вдыхая ароматы французского мыла и смеясь над маленькими кексами, напоминавшими толстых старых дам. Они восхищались рулонами тканей в лавке, торговавшей одеждой, где продавец, пытавшийся убедить Мерседес купить у него обивочную ткань, принял ее за жену Гриира. Мерседес сердито вспыхнула в ответ на его ошибку, но не нашла как его поправить. Гриир воспринял ошибку спокойно, постарался увести ее в соседнюю лавку. Там продавались клинки, и вскоре он уже беседовал с хозяином об особенностях разных клинков и рукоятей. Мерседес прошла дальше, туда, где продавали ленты. Она обсуждала с продавщицей, женщиной средних лет, какая лента лучше, зеленая или синяя, когда рядом возник Гриир:

– Она берет обе, – и засмеялся, отдав продавщице несколько шиллингов. – Они слишком хороши, чтобы ограничиться одной.

– У вас добрый муж, мэм. – Женщина улыбнулась и, подмигнув в сторону Гриира, положила монеты в карман. – Знает, как правильно задобрить жену. Вы, должно быть, уже давно женаты.

– Вы не должны были этого делать, – прошипела Мерседес, как только они отошли от прилавка.

– Почему? – поддразнил Гриир. – Вам не нравится, что люди принимают нас за пару? Вы считаете, что я слишком безобразен?

Она со смехом покачала головой. На него невозможно сердиться.

– Вы же знаете, что это не так. Та женщина даже немного расстроилась из-за того, как вы нежны со своей «женой».

– Возможно, она надеялась, что позже вечером я могу быть нежен с ней. Но, увы, на мое сердце есть другие претендентки.

– Прекратите, – настаивала Мерседес, впрочем, без особого энтузиазма. – Вы просто смешны. – Она и сама смеялась.

Они дошли до границы рыночной площади. Их лошади стояли не очень далеко. Толпа поредела, и они остались одни. Гриир достал из кармана мундира синюю ленту.

– Вы позволите?

Не дожидаясь ответа, он зашел сзади, но вместо того, чтобы подвязать ее волосы, пропустил ленту вокруг ее шеи. Когда она опустила глаза, то заметила маленький серебряный амулет в форме звезды, висевший на ленте. Мерседес сразу узнала его. Она долго разглядывала этот амулет в ювелирной лавке. Работа отличалась редким изяществом, и Гриир заметил это. Амулет стоил недорого.

– Вы не должны... – тихо запротестовала Мерседес, поправляя волосы.

– Что не должен? Не должен ничего делать, что бы этот замечательный день запомнился? – так же тихо возразил Гриир и повернул ее лицом к себе. – У меня уже давно не было такого чудесного дня. Вы же понимаете, в армии нет ни пикников, ни ярмарок. И впервые

мне не о чем беспокоиться. В меня никто не стреляет, в моей еде нет червей. С тех пор как я встретил вас, жизнь определенно стала налаживаться. Мерседес почувствовала себе виноватой. Захотелось сказать, что она этого не стоит и поехала с ними, чтобы приручать его. Сделать из него нечто такое, на чем ее отец сможет заработать. Но потом решила, что не может все ему испортить. Бэррингтон солдат, видел смерть, нес ее другим. Он беспокоился о своей семье, об их финансах. И вот, наконец, настал тот день, когда над головой ясное небо, в кармане деньги, которые он никому не должен отдавать, а рядом красивая женщина. Невозможно лишить его всего этого. Отбирая, она обеднит и себя. И она перестала бороться с собой.

– Спасибо, Гриир. – Она зажала амулет в кулаке у себя на груди, намереваясь беречь его как напоминание о том дне, когда джентльмен обращался с ней как с леди.

Мерседес шагнула к нему и подняла голову, словно хотела придать ему смелости, на случай, если он захочет украсить этот день поцелуем. Гриир мог получить его, если бы захотел воспользоваться шансом.

– Вот вы где!

Подошедший к ним Локхарт пребывал в приподнятом настроении. Мерседес сделала шаг назад, подальше от Гриира. Отец выглядел довольным, значит, его дела в городе складывались удачно.

– Мы решили, что ты сам найдешь нас, когда все подготовишь.

– Ты все правильно поняла, моя умница. – Он шутливо потрепал ее по подбородку. – Я снял комнаты в «Милстрем Инн», но бильярдная находится в «Голден Ростер». – Локхарт потер руки. – Две гостиницы! Неплохо для маленького сонного городишки. Сегодня вечером мы развлечемся. Все окрестные жители съехались сюда, чтобы потратить деньги, накопленные за долгую зиму. Вы готовы играть, капитан?

Локхарт встал между ними, и они пошли в город, ведя лошадей. Гриир заметил взгляд, который бросила на него Мерседес за спиной отца, и ухмыльнулся. Проглотив разочарование, она улыбнулась ему в ответ. Прекрасный день закончился.

Бошэм – симпатичный рыбацкий городок в восточной части Чичестерской гавани. На Хай-стрит, неподалеку от «Милстрем Инн», где они остановились, аккуратно пристроилась каменная саксонская церковь. Грииру захотелось выкроить время, чтобы пройтись по городу с Мерседес. На ярмарке она показала себя благодарным экскурсантом, и он с радостью воспользовался бы этим, рассказывая ей бесчисленные легенды о королях Гарольде и Кануте. Но, похоже, времени для расслабления не ожидалось. Локхарт нашел для них не только комнаты в удобной гостинице, но и снял частный салон для обедов и горел желанием начать настоящую игру.

– Мы идем в «Голден Ростер», – объявил он, поглощая отменное рагу из морепродуктов. – Я хочу посмотреть, каковы ваши природные наклонности, насколько сильно желание побеждать. – Локхарт подмигнул и вручил капитану деньги. – Это вам для начала. – Он потирал руки, его глаза возбужденно блестели. – В этом маленьком городишке есть деньги, которые можно получить уже сегодня. Люди довольны, они заработали на ярмарке. Они пьют и веселятся, полагая, что имеют для этого возможность.

Понимая, к чему ведет Локхарт, Гриир почувствовал невольное отвращение. Ему хватило одной прогулки по улицам, чтобы увидеть этих простых людей, торговцев, фермеров и рыбаков, некоторые из них весь год жили тем, что удавалось заработать на сезонной ярмарке. От мысли забрать их деньги он почувствовал дурноту, и вкусное рагу показалось горьким. Мерседес наблюдала за ним. Его отвращение к предстоящей аванюре, должно быть, отразилось на его лице. Он быстро отломил кусок хлеба и обмакнул его в тарелке, делая вид, что поглощен едой, чтобы скрыть любые признаки недовольства. Ее взгляд скользнул в сторону отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.